

— Даже если ты будешь звонить и угрожать самоубийством, — повысил голос Цзян Дун, останавливаясь перед мамой, — Цзян Цзяньго не вернётся. Я не стану тебя слушать. Хочешь жить, хочешь умереть — решай сама. Никто тебя не остановит, не нужно больше отчитываться.

В тот же момент, как он произнёс эти слова, Цзян Дун ощутил странное чувство удовлетворения. Не задерживаясь ни на секунду, он развернулся и направился к выходу. Домашняя работница, стоявшая у двери кухни, с тревогой посмотрела на него, словно говоря: «Он сумасшедший, зачем ты с ним связываешься?»

Не прошло и двух секунд, как мама начала кричать, словно обезумевшая. Цзян Дун, не оборачиваясь, мог представить, как она сейчас выглядит: наверняка стоит на коленях, сжимая свои волосы, рвёт кожу головы, а её потрескавшиеся губы снова разрываются, и кровь стекает по подбородку.

Если бы ненависть могла убивать, Цзян Дун уже превратился бы в пыль.

Когда он увидел Цзян Цзяньго в лифте, то подумал, что это сон. Насколько он знал, Цзян Цзяньго не появлялся в этом доме уже полгода. Сейчас он был в костюме, с многочисленными складками на локтях и плечах после рабочего дня, его аккуратно уложенные волосы выбились из причёски, а очки сползли на нос.

Отец и сын, внутри и снаружи лифта, смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Цзян Дун опустил взгляд и вошёл в лифт, встав в дальнем углу, игнорируя отца.

Цзян Цзяньго, оправившись от неожиданности, быстро скрыл удивление в глазах, открыл рот, но забыл, что хотел сказать, и просто смотрел на Цзян Дуна.

Запах мужского одеколona быстро достиг ноздрей Цзян Дуна. Он заметил, что отец держал в руках подарки для мамы, фрукты и еду, обе руки были заняты, а его тело, с каждым годом становившееся всё более тучным, напоминало большого неваляшку.

— ...Сяо Дун, — заговорил отец, с неловким выражением лица, — ты идёшь в школу?

Цзян Дун молчал, лишь приподнял бровь.

Через несколько секунд выражение лица Цзян Цзяньго изменилось, став ещё более неловким:

— Эх, смотри на меня, совсем закрутился. У тебя уже зимние каникулы, да?

На этот раз Цзян Дун не стал скрывать и кивнул.

— Ты...

— Ты не выходишь? — спросил Цзян Дун.

Разве он не пришёл к маме? Почему он всё ещё болтает в лифте? Мама бы обрадовалась, возможно, даже устроила бы представление.

— Я выхожу, выхожу... Сяо Дун, ты потом свободен? Подожди меня у входа, я скоро выйду, поговорим, хорошо?

Не дожидаясь ответа, Цзян Цзяньго уже открыл дверь лифта и быстро вышел.

Цзян Дун, слегка приоткрыв рот, стоял в замешательстве, а затем, нажав кнопку лифта, вышел к подъезду.

Мама, которая так долго не видела Цзян Цзяньго, вряд ли легко отпустит его, но Цзян Дун прождал меньше четверти часа, прежде чем увидел, как отец выходит из лифта.

Их отношения были странными, совсем не похожими на отца и сына, даже друзьями их не назовёшь. В глазах Цзян Дуна отец большую часть времени был просто человеком-палкой. Даже лицо у него было нечётким.

Его статус, вероятно, был ниже, чем у Ван Пэна.

Отец и сын шли по двору, Цзян Дун впереди, Цзян Цзяньго — следом, пока не подошли к пустующей кондитерской.

Кондитерская была местной, и она ещё не закрылась. Цзян Дун знал это место хорошо, так как до старшей школы каждый раз, возвращаясь домой, он заходил сюда, чтобы успокоиться, иначе иногда мама могла довести его до белого каления.

Эта кондитерская была похожа на кафе, и большинство посетителей — группы девушек, покупающих маленькие торты и сидящих вместе, чтобы поесть и поболтать, убивая время.

Когда они вошли, внутри был только владелец. Слева от двери была зона отдыха, Цзян Цзяньго поспешил к стойке, чтобы заказать кофе, а Цзян Дун без выражения лица сел на ближайшее место, думая о чём-то незначительном, вроде «зачем на столе стоит кактус» или «можно ли вытянуть ноги на противоположную сторону».

Вскоре Цзян Цзяньго вернулся.

Он сел напротив Цзян Дуна, положив руки на стол, сложенные вместе.

Свет над головой был тусклым, и Цзян Дун мог чётко видеть блеск на лбу Цзян Цзяньго. Он внимательно осмотрел его, убедившись, что у отца густые волосы, и ему не грозит облысение.

Цзян Цзяньго, не зная его мыслей, поправил серебряные очки, заметил, что линзы грязные, снял их и вытер тряпочкой, затем снова надел.

Он осторожно начал:

— ...Сяо Дун, как ты...

— Всё хорошо, — равнодушно ответил Цзян Дун, — ничего не нужно, денег хватает, с учёбой тоже всё в порядке.

Цзян Цзяньго замер.

— А твоя мама... — с трудом произнёс он, — она в порядке?

Цзян Дун усмехнулся:

— Ты же сам видел.

Она уже почти забыла, кто она такая.

Цзян Цзяньго был полон вины:

— Прости, Сяо Дун, я подвёл вас с мамой. Я знаю, что бы я ни сделал, вы не сможете меня простить...

— Не говори так. Без тебя и меня бы не было. И она никогда тебя не ненавидела, она любит тебя больше всего, о каком прощении может идти речь?

— Сяо Дун, не говори так, мне больно это слышать... Два месяца назад умер дедушка Ифэй, мой тесть. Мне было тяжело там, я был занят, управлял делами компании, было много мелких забот. Каждый родственник звонил мне, и у меня не было ни минуты покоя. Я должен был заботиться о тебе и твоей маме, я просто не справлялся, не сердись на меня, хорошо?

— Какое это имеет ко мне отношение?

На самом деле он хотел сказать: «Какое мне дело?»

Как раз в этот момент владелец подошёл с подносом, поставил две чашки кофе на стол и вежливо удалился.

Цзян Цзяньго быстро схватил свою чашку и сделал большой глоток, затем поставил её на стол, сморщив лоб, его глаза покраснели, и он выглядел так, будто горько сожалеет.

Его руки, лежащие на столе, крепко сжались, атмосфера стала тяжёлой.

— Тебе не стоило связываться с ней. Если бы не ты, она бы сейчас жила беззаботно, где-то в другом месте, заботясь о муже и детях, а не была бы такой — как маленькая девочка, живущая в сказке. Ей уже сорок, она стареет, но каждый день она мечтает.

Выражение лица Цзян Цзяньго изменилось, он выглядел глубоко опечаленным. Цзян Дун увидел, как слёзы катятся из глаз мужчины, сначала по одной, затем непрерывным потоком, пока он не вытер их рукой.

— Я подвёл её, я подвёл тебя, — голос Цзян Цзяньго дрожал.

Цзян Дун оставался бесстрастным, но внутри ему было тяжело. Он взял чашку кофе, чтобы заглушить душевный дискомфорт, и сказал спокойно:

— Тебе не нужно заботиться обо мне. Ты мне ничего не должен. Ты должен ей. Но что бы ты ни делал или хотел сделать, не втягивай меня в это.

Им нечего было обсуждать, их разговор сводился к бесконечным извинениям одного и полному безразличию другого. Цзян Дун давно устал от этого и не хотел вмешиваться в дела мамы и Цзян Цзяньго. Он просто хотел жить спокойно, как и всегда, с тех пор как начал думать самостоятельно, и не видел в этом ничего плохого.

Когда они выходили из кондитерской, кофе на столе ещё был тёплым.

Цзян Цзяньго, с красными глазами, схватил Цзян Дуна и сунул ему в руки несколько билетов на художественную выставку.

— Это моя выставка фотографий, главная тема — птицы. Я сделал много снимков, и есть работы некоторых коллег, качество отличное. Она открыта с первого по восьмое число нового года. Если тебе... скучно, можешь зайти, позови друзей, посмотри.

Цзян Дун взглянул на билеты, но не взял их.

Цзян Цзяньго с мольбой в голосе:

— Не сердись на меня. Я могу тебя не видеть, но я знаю, чем ты занимаешься. Тебе нравится возиться с птицами, это хорошо. Сходи, это будет полезно.

Цзян Дун взял билеты и сунул их в карман.

<http://bllate.org/book/15499/1374882>